

Червивое яблоко

Кравец Алёна

Алёна Вячеславовна Кравец

Червивое яблоко

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69430516

SelfPub; 2023

Аннотация

Залогом крепкой детской дружбы всегда были общие проказы и хулиганства. Влад и Ник разграбили заброшенный яблоневый сад и оттащали за рога бодливую рыжую козу. Что ещё приготовило для двух мальчишек знойное деревенское лето?

Алёна Кравец

Червивое яблоко

Закатное солнце золотило старый заброшенный яблоневый сад. Всё лето деревья были усыпаны детьми гораздо гуще чем плодами. Большинство яблок пало в ходе боевых действий задолго до перехода в качество разгрызаемых – маленькие, крепкие и зеленые, они прекрасно справлялись с ролью любого стрелкового снаряда, от пули до гранаты. Чудом уцелевшие фрукты висели высоко, манили детвору розово-медовыми бочками и никак не хотели падать самостоятельно.

Влад упорно карабкался по шербатовому стволу, как назло, не баловавшему юного верхолаза удобными ветками. Густая зелень скрывала от мальчика его цель, но направление только одно – вверх – а значит, угрозы потерять её совсем не было. Усевшись на толстый сук метрах в двух от земли, мальчик облокотился спиной о ствол.

Он был высок и худ, голову его покрывали непослушные каштановые барашки, а кожа за жаркий июль приобрела стойкий ореховый оттенок, впитав в себя всё солнце юного городка – и всю пыль его дворов. В тени ветвей приятно было прикрыть глаза и подумать о сегодняшних подвигах, помечтать о завтрашних приключениях, а заодно и о скором перекусе!

От приятных фантазий на тему сладости и сочности высотного плода Влада отвлек близкий хруст ветки. На старом покосившемся столбе, одиноком доказательстве существовавшего некогда забора, балансировал другой мальчишка и тянул руку к ветке, на которой покачивалось желанное яблоко.

– Эй, это моё!

– Спи дальше, я первый его сорву.

– Но я первый его заметил!

Влад насколько возможно быстро в его положении полез по суку на котором сидел. Другой мальчик тоже спешил завладеть трофеем. Яблоко висело чуть выше и в стороне, на слишком тонкой ветке чтобы хвататься за неё, тем более вдвоем. Громкий треск озаменовал ошибку охотников, и они спелыми фруктами осыпались вниз. Окончание полета обозначила ветка, накрывшая обоих листвой, и яблоко, бодро укатившееся в высокий куст крапивы.

– Эй, ладно! Всё равно червивое...

– Думаешь?

– Да уверен! Я тут половину деревьев облазил уже... Влад.

– Ник.

Внешне он был немногим младше Влада, вряд ли больше чем на пару месяцев. Черноволосый, бровастый, с умными зелеными глазами и чуть застенчивой улыбкой, Ник бы ниже и не такой загорелый, зато плечистый и с сильными руками и ногами. На самом деле ему было всего 9, тогда как Владу

зимой стукнет 11, но разница была совсем незаметна.

И ребята уверенно пожали друг другу исцарапанные ладони.

Залогом крепкой детской дружбы всегда были общие проказы и хулиганства – так что мальчишки спелись за пару дней. Они разграбили остатки сада, выломали в парке у рагуши редкий куст на прочные и гибкие удочки и луки, оттащали за рога бодливую рыжую козу, наловили целую банку лягушат непонятно зачем и вместе получили хворостиной по ногам за съеденный на фермерском поле виноград, после чего уже не мыслили очередного разбойного нападения друг без друга.

Теплым и пряным вечером, когда хрусткие стога еще не убраны в хлева, а солнце ещё по-летнему жарит черепицу на закате, Ник коротко стукнул в деревянный ставень окна. Через пару минут створка со скрипом отворилась и оттуда полезли босые чумазные пятки. Влад выбрался на приступок и тихо прикрыл окно. По-хорошему, скоро отец вернется с поля и ему нужно будет помогать убирать косы и грабли, чистить и кормить коня и доить единственную в хозяйстве буренку, но ведь крупные, жирные пескари и вечно голодные раки сами себя не поймают!..

В кустах крыжовника под забором были запрятаны снасти и нехитрая нажива из червей и рыбных обрезков. А ещё пара ломтей хлеба с салом, чтобы на случай совсем уж погано-

го клева заменить рыбалку на пикник. Рассовав всю мелочь по котомкам, Влад и Ник бодро припустили к изгибу местной речки – Горлянки. Впадающий раньше в реку ручей пересох, образовав своим руслом удобную тропинку и небольшую песчаную косу. Ниже нее появилась отмель, скрытая от течения поворотом берега, над ней же располагался скрытый травами берег и пара спокойных ям, окруженных горцем и водокрасом.

Путь к пересохшему руслу вел через заросшие бурьяном овраги и курчавые ивняки, а потому место это было не только удобное, но и малоизвестное, а оттого гораздо более ценное!

Как следует расчесав изрезанные травой ноги и умывшись прогретой за день водой с отмели, ребята стали начинать плетеные из березовых прутьев и осоки верши для раков рыбной требухой. Затем Ник вплавь добрался до зарослей водоросли и аккуратно опустил ловушки на дно. На мелкой ряби реки заскакали камышовые поплавки. Влад тем временем разобрал и оснастил все имеющиеся уды, по паре на брата, и потихоньку забрасывал их в сторону песчаного наноса – куда поглубже, где могли плавать более крупные особи. Армия кузнечиков и цикад наполняла густой янтарный воздух скрипами и трескотней, с убранных полей поднималось знойное пахучее марево, пчелы и шмели торопились вернуться в свои ульи с последним на сегодня сбором и деловитым жужжащим потоком облетали ребят как неживое

препятствие. Начиналась вечерняя зорька.

Клев не заставил себя долго ждать. Влад достал из кустов и наполнил водой припрятанный для улова старый, щербатый бидон. Очень скоро он наполнился звонким плеском недовольных жизнью узников в ожидании сковородки. Единственной задачей ребят было аккуратное извлечение крючков из слишком маленьких для жарева рыбок – в живце нужды не было, а капризная кошка Ника брезговала их добычей. Мальков, которых удавалось отцепить без повреждений, они отпускали нагуливать жирок до следующего раза.

Когда в бидоне тесно стало даже для воды, ребята сложили удочки и не спеша расправились с одним из бутербродов. Солнце скрылось за горбами полей, и только узкая полоска лилового цвета отличала сейчас запад от востока. Пора было снимать раколовки.

На этот раз разделся Влад – и медленно пошел по дну в сторону первого поплавка. В этой ловушке оказалось пусто, зато вторая собрала в себе пяток крупных раков. Третья тоже не подвела, в четвертой была всего пара. А вот пятая никак не хотела подниматься со дна. Вынеся предыдущий улов на берег, мальчик поплыл к застрявшей ловушке и нырнул. Ник тем временем, обернув руку ветошью, доставал раков и складывал в котомку, застеленную травой.

–Эй... А их тут две...

–Чего две? «Рачицы» что-ли?

–Ловушки. Две. Зацепились бечевами.

–Да ну?! Неужто еще кто наше место нашел? Тащи сюда!

Влад медленно потянул за собой найденную вершу, тоже, кстати, не пустую. От нее под воду тянулся плотный шнур. Речная гладь всколыхнулась, и на поверхности показался бок ещё одной плетенки. Вытащив одну за одной ещё шесть ловушек, ребята сноровисто, пока не вернулся хозяин, стали собирать улов. Часть шнура так и осталась в воде.

Толи собственник этих ловушек был уверен в единоличном пользовании рачьими угодьями, толи уповал на свою удачу и гущу прибрежных зарослей... А, возможно, он просто был не очень дальновидным человеком, однако на другом конце шнура оказалась лодка, привязанная легкой петлей всего лишь к пучку камыша. Когда Влад тянул ловушки из воды, потянулась за ними и плоскодонка, легко сойдя со своего травяного якоря.

Пока ребята увлеченно считали свою добычу, лодка медленно вышла из-за частокола осоки, потеряв путеводное натяжение неуверенно выплыла на середину реки, отдалась плавному еще течению и, описав величественный полукруг, обогнула косу и вышла на стрежень.

Крайняя раколовка с ловкостью рыбки выскользнула из рук Ника и ушла под воду. Когда за ней последовала ее товарка, рыболовы подняли головы и увидели причину бегства своих трофеев.

–Догоняй!!! – хором вскрикнули они.

Ещё раздетый, Влад бросился в воду и скоро поплыл по течению. Ник, опустив закатанные штанины, зайцем метнулся вдоль берега, несмотря на крапиву и острые стебли осоки. Нагнав лодку, он увидел удобный обрыв и также отчаянно сиганул в воду, как ранее сделал это Влад. В лодку они забирались уже вместе – и вместе же осознали свою ошибку. Весел внутри не оказалось. С одной стороны над водой поднимался крутой берег, испещренный гнездами ласточек. С другой стороны невысокий склон так густо зарос ивняком, что выбраться сквозь ветви – даже без лодки – не представлялось возможным, тем более непонятно было, как добратся с того берега домой. А течение всё несло крепкую и юркую лодочку вперед, навстречу луне и незнакомым берегам.

Минут десять прошли в гулкой, напряженной тишине. В лодке царил страх. Ни темная рябь реки, ни незнакомый рисунок берега, ни поднимающиеся вдаль пики елового бора не пугали ребят. Нет, грудь их сжимал гнетущий страх того, что ждет их дома по возвращении. Сколь дерзкими ни были раньше их выходы, ни разу еще оба не пропадали так поздно неизвестно где.

Страх сковал язык, свел мышцы, парализовал разум. Он был настолько силен, что ребята чувствовали дрожь друг друга. Казалось, лучше податься в бега, поселиться в лесу, уйти пешком в другую страну – куда угодно, навсегда, чем вернуться домой и получить то наказание, которое могли они заслужить сегодня.

Но вот оцепенение спало. Плыть в темноте против течения было уже далеко и боязно, и ребята решили искать выход на берег. Пусть неудобный, пусть придется бросить лодку – но нужно найти место, где они смогут взобраться наверх и уже пешком вернуться на знакомую тропу. А пока они тихо шептались и пытались разглядеть что-то кроме глухой стены обрыва в неверном свете луны.

Затихли насекомые и лягушки. Небо взрезали крыльями юркие летучие мыши и бражники, пару раз издали послышалось уханье сов. Река раздалась вширь и замедлила свой ход, огибая кругом поле. Это радовало – значит, возможно, издали будут видны огни деревни и можно попробовать дойти напрямик. Лодка мягко покачивалась на ряби реки, убаюкивала своих пассажиров, но спать нельзя ни в каком случае. Иначе можно совсем потеряться. Влад то и дело умывался уже подстывшей, освежающей водой. Ник в мокрой одежде продрог и устал, но не подал и виду – он же не сопливая девчонка, а мужчина, значит, надо терпеть! Время текло незаметно, ни один из них не смог бы сказать, сколько плывут они – тринадцать минут или тридцать, или все три часа. Но вот берег справа от них начал опускаться, сглаживаться, то и дело на склоне его стали появляться травяные полоски-ступени. Вдалеке виделись неясные огни, блеклые полоски света как будто висели высоко в воздухе и не выхватывали из темени ни стены дома, ни ветки дерева.

Река сделала еще один изгиб и перед глазами ребят предстала самая желанная картина. Впереди зеркальный поток дробили опоры широких, крепких мостков. Сбоку от них сбитые вместе доски с редкими поперечинами (чтобы не съезжали корзины с бельем во время стирки) плавно опускались под воду. Это была удача! Главное – найти куда спрятать лодку, а уж после они обязательно за ней вернуться.

Влад осторожно опустился в реку. Ник подал ему петлю привязанного к носу лодки шнура, и он не торопясь поплыл наискосок, в сторону моста. Спасение было рядом, но одновременно Владом овладела непонятная тревога. Его не отпускало ощущение пристально взгляда огромного и опасного существа. Берег медленно приближался, беспокойство также медленно нарастало. И, когда до мостков оставалось всего пару метров, навстречу вдруг высыпала россыпь огней.

– Стой! Не приближаться! Руки вверх!

В ярком пятне света стояли солдаты. Двое из них держали наизготовку заряженные ружья. Ещё четверо в одной руке несли факелы, в другой сжимали короткую саблю. Дюжина настороженных глаз следила за каждым движением ребят. Ник распахнул рот от удивления и испуга и послушно вскинул над головой ладони. Влад же медленно поднял над водой руки: одна сжата в кулак с поводом лодки, вторая раскрыта и протянута навстречу солдатам.

– Вона что, так то ж детвора совсем! Шпана, вы откуда тут ночью?!

Молодой широкоплечий стражник с густыми усами и лихой челкой опустил ружье и протянул руку Владу, чтобы помочь взобраться на мостки. Напряжение спало, лишь один воин, много старше остальных, поднял факел повыше и внимательно оглядывал реку вверх и вниз по течению. Остальные же помогли втащить лодку на берег и окружили оробевших мальчишек любопытным кольцом. Все они, как на подбор, высокие и сильные, были одеты в грубые холщовые штаны и простые льняные рубахи, куртки с множеством карманов цвета пожухлой от зноя травы и мягкие фуражки. Зато сапоги и ремни были первоклассные, мягкой телячьей кожи, уже потертые, но крепкие и удобные. Они смеялись и гадали, что привело путешественников в эти края, и предполагали такие немислимые сюжеты, что друзья наконец расслабились и робко заулыбались в ответ.

—Пошли, ребяташки, хоть оденем вас. Замерзли небось, зябко уже по ночам. Шагай бодрей!

В окружении хохочущих, с удовольствием курящих горькие папиросы солдат Влад и Ник поднимались по тропке, ложбиной рассекавшей высокий Берег. За спиной на траве у самого берега лежала трофейная лодка, подставив блестящее плоское дно ночному ветерку. Впереди над зелеными буграми склона ночное небо было особенно черным и казалось, что темнота эта сгущается с каждым шагом. Но, как только Влад ступил на ровную пыльную дорогу, от которой нырjala к реке тропа, пред ним появилось то существо, чей взгляд

он чувствовал на себе все это время.

На берегу стояла крепость. Огромная, сложенная из тяжелых каменных глыб, в темноте она сливалась с небом, лишь отсутствие звезд на её мощных боках отличало ее от далекой синевы.

Ник открыл было рот для вопроса – да так и не смог его закрыть. Влад же крутил головой во все стороны так быстро, что она начала кружиться. Это была мечта, настоящая сказка, замок чудес!

Какой мальчишка не желал увидеть своими глазами храбрых воинов, острые мечи и мощные пушки? Не жаждал всем сердцем узнать все тайны, какие только мог хранить грубый и простой быт военных? Не сочинял себе бравое боевое будущее, жаркие сражения и дерзкие подвиги? И вот друзья оказались в гуще армейской жизни, случайно, но она текла вокруг, не остановившись ни на секунду, не замечая их присутствия, как текла река за крепостной стеной.

Дорога упиралась в низкие дубовые ворота такой толщины, что на створки прибиты были кованые кольца, к которым можно было пристегнуть лошадей или волов. Одна створка была открыта ровно на столько, чтобы солдат боком мог протиснуться внутрь. На входе стояли еще двое, с факелами и короткими винтовками наготове. Увидев сослуживцев веселыми и расслабленными, они закинули оружие на плечи, пропустили всех вперед и закрыли ворота, накинув на скобы

огромный засов.

Вглубь крепости вел длинный арочный проход, выложенный внутри крепостной стены. Свет факелов метался по прочным опорам и балкам, поддерживающим туннель. Под самым потолком тут и там виднелись смотровые окошки, достаточно большие, чтобы из них удобно было стрелять. Помимо внешних ворот в проходе были ещё две кованые ограды с маленькими калитками, ощерившиеся шипами в сторону гипотетического врага.

Внутренний двор крепости был гораздо меньше, чем могло показаться снаружи. Много пространства занимала сама стена – внутри неё располагались казармы, оружейные и продовольственные склады, комнаты командования. По верху стен шли широкие зубцы-укрытия, перемежавшиеся черными дулами пушек, через каждые 100 метров торчали одинокими зубьями каменные караулки. Над редкими дверями во внутренние помещения на стене высилась груда камней – чтобы при необходимости быстро забаррикадировать проход. Тут и там по стенам были размещены бойницы. Прорвавшийся через ворота недруг неизбежно попадал на открытое пространство – под перекрестный огонь не только со всех крепостных стен, но и из всех окон, что не оставляло ни малейшего шанса на успешный штурм. Расположение хозяйственных помещений и практически наверняка имеющийся подземный ход к реке делали бессмысленной и осаду – если только противник не решится под стенами крепости зазимо-

вать.

Неясные огни, которые видели ребята, оказались узкими бойницами на верхних этажах широкой башни. Она возвышалась над дальним углом крепости, выходящим на широкую степь. Обзор с неё был великолепный – расположенная на пригорке, смотровая площадка предоставляла дозорному возможность в ясную ночь видеть любое шевеление как на мелкотравчатой степи, так и на речной глади, самому оставаясь незамеченным за широкими зубцами, сливающимися чернотой своей с небом.

Во внутреннем дворе было всего два приземистых деревянных здания – в одном кухня и солдатская столовая, в другом конюшня. Оба они примыкали к противоположным углам двора и совершенно не привлекали внимания несмотря на внушительную площадь. Слева от ворот под крышей на столбах оказалась кузнечная печь и наковальня. Рядом на широких столах-верстаках лежало несколько старых штыков и учебные мечи. У стен конюшни поднимались ввысь ароматные вязанки сена, стянутые шпагатом в тугие кирпичики, стояла добротная, тяжелая телега на толстых окованных железом колесах. На ней грудой лежали пушечные ядра и несколько лохматых неряшливых шомполов. Под деревянным навесом справа от входа стояло множество бочек с порохом, дегтем и оружейным маслом.

Несмотря на позднюю ночь, крепость жила. Снаружи стен

не было видно или слышно практически ничего. Внутри же жизнь кипела как днем. Со всех сторон слышалось ржание коней, позвякивание металла, разговоры и смех, шорохи и скрипы. Пахло скошенной травой, мылом, копченой говядиной, древесной щепой, смолой и конским потом. У каждой караулки стоял на стене солдат, уверенно вглядываясь в спокойный горизонт – нес обычную ночную вахту. Под навесом сидел на низком табурете седой вояка с отнятой по колено левой ногой. Прислонившись к опоре навеса, подальше от горючих бочонков, под закрепленным на скобе масляным фонарем, он не спеша чистил старые факельные рукоятки и наматывал на них свежую ветошь. Кто-то ходил в верхних комнатах башни – свет из окон колебался, то и дело образуя на стенах неверные тени. Двое с обрезамии так и остались караулить у ворот, ещё четверо разбрелись по своим делам – вычищать работавших днем лошадей, точить штыки и сабли, проверять караульных. С ребятами остался только удалой солдат, что разговаривал с ними раньше, и немолодой уже служивый, опустившийся сразу на тюк сена у конюшни и забивший маленькую резную трубочку белой кости.

– Ну что, пострелята, рассказывайте байки дядьке Колыму. Откуда вы такие бойкие?

–С Вареницы мы, дядь. – хором протянули мальчишки – А это что такое? Где мы?

– То, ребятки, крепость Сенкач, Замок-тень. Давно-давненько за степью этой другое царствие было, враждовали мы

с ним. А теперича до границ далече, да все одно мы тут век кукуем. Молодежь тут службу ведет, ратному делу учится, опять же ж – вдруг война какая докатится. Как вы тут очутились то в ночь-полночь?

И друзья принялись наперебой рассказывать, как нашли они свои уголья, какие раки ловятся на том повороте и какие справные ловушки они сплели, и как какой-то коварный человек посягнул на их улов, но был наказан за это потерей лодки, и как они в эту самую лодку попали. Они так торопились поведать все свои приключения, так хотели понравиться солдатам, похвалиться своей смелостью и смекалкой, что не заметили, как забыли обо всех тревогах и даже согрелись, размахивая руками и подпрыгивая на самых важных деталях их удивительного рассказа.

Пока они говорили, вернулся один из встречавших путешественников солдат и принес им по ветхой, но сухой и чистой рубахе, по ломтю хлеба и кружке молока. Они проглотили угощение в один миг и споро переоделись, стыдливо отворачиваясь к стене. Влад, хоть и был высок для своего возраста, закатал рукава вполовину, а в длину рубаха доставала ему до колен. Подвязав её куском бечевки, мальчик серьезно и учтиво слушал разговоры солдат. Ник же завернулся в рубаху целиком, от носа до пят, но даже не думал больше смущаться – глазами ребенка, к которому действительно пришел ночью сребробородый старик с подарками, распахнутыми во всю ширь и сверкающими ярче звезд, глядел он

на окружающие его вещи и впитывал каждое сказанное слово, каждое сделанное движение, будь то простой плевков или сложные махинации с запалом винтовки.

Начальник крепости отрядил пару солдат вернуть детей домой. На ночную поездку вызвались бывалый служивый Колым и бравый усач, Макош. В легкую скрипучую телегу кинули пару тюков сена и запрягли смирную гривастую конягу.

–Сигайте, хлопцы! Поспешать бы, небось вся деревня ходуном ходит.

–А лодка?... – заикнулся было Влад, но быстро сник под звучным гоготом мужчин.

–Нешто жаль чужого добра?! Не с руки нам в ночи тяжеловоз растаскивать, жилы тянуть. Ахах, не кисни, по okazji подвезем! – задорно подмигнув седокам, Колым сел на обрешетку и направил кобылку в сторону приоткрытых ворот.

Очень скоро силуэт крепости снова растворился в ночном небе, и взгляд мальчишек стал блуждать по сторонам в поисках новых целей. По обе стороны шелестела вполонину отросшая трава, то и дело путь дороге преграждал пологий земляничный холм, и она делала петлю, огибая шелестящие гривками осок и кукушкиных слезок склоны. Сухое колючее сено забилося пассажирам в волосы и рубахи, но привычный Макош спокойно дремал под плавное покачивание телеги, а не менее привычным Владу и Нику заснуть не удалось бы

и на мягкой перине. Близилось утро, близился дом и близилась скорая расправа за их баловство, а богатая фантазия рисовала себе всё более жуткие и суровые картины наказания, от порки и принудительных работ до сломанных снастей и домашнего ареста. Затаив дыхание следили они, как черное небо становится дымчато-синим. Обогнув очередной пригорок, дорога легла ровной лентой и скоро побежала под уклон к прореженным огнями садам Вареницы. Небо над деревней из лавандового уже стало салатovým, из-за густых ветвей заброшенного сада медленно вытекал бледно-желтый рассвет. А у подножия его разбегалась вширь густая рябь ламп, факелов и свечей. Издалека был слышен тревожный гул голосов и осторожные оклики, когда толпа увидела приближающуюся телегу. Колым остановил лошадку в нескольких метрах от сельчан и, крикнув, прыгнул на землю.

—Обождите, хлопцы. Авань обойдетя, розог-то не отведаете. Сидите смирно!

Но по лицам поискового отряда уже ползло облегчение, передавали по цепочке весть, что дети нашлись, доставали папиросы и устало вытирали лбы. Колым и Макош разговаривали с деревенским главой и парой его друзей, мужчины время от времени сплевывали и ругались, но губы тянулись в улыбку. Кто-то уже повернул домой, торопясь подремать пару часов перед утренней работой. И тут раздался тихий, надрывный вскрик и, расталкивая людей, к телеге бросилась рыдающая женщина. На ней было легкое домашнее платье,

подпоясанное теплым платком, волосы, заплетенные на ночь в мягкую косу, уже растрепались, домашние туфли без каблука были все в пыли и травяных росчерках, белые тонкие запястья изломанных нервами рук, прижатые плотно к вискам, взлетели ввысь и упали без сил на плечи мальчика.

– Никки, воробушек мой! – только и смогла вымолвить женщина, прежде чем уткнулась лицом в складки рубахи и выдохнула в беззвучных рыданиях всё напряжение этой ночи. Следом за ней к телеге молча подошел крепко сбитый мужчина, казалось, источающий только уверенность, силу и непоколебимое спокойствие. Короткие стальные завитки покрывали его голову, высокие смуглые скулы и широкий подбородок были напряжены, крупная натруженная рука сжималась на древке потухшего факела, к одежде и сапогам намертво пристали клочки скошенного ещё днем клевера и редкие лепестки одуванчиков. И только глаза его были сейчас не строгие и не сильные, а будто подернутые пеплом и очень уставшие.

Влад, боясь потревожить женщину, слез с телеги со стороны лошадиного крупа и подошел к отцу, пригнув голову в ожидании как минимум подзатыльника. Но вместо удара ему на плечо опустилась жесткая мозолистая рука и направила его в сторону дома. Через пару шагов Влад обернулся и встретился взглядом с Ником – тот сидел как раньше, боясь пошевелинуться, и только тихонько гладил своей маленькой ладошкой мамины волосы. Ребята коротко кивнули друг

другу.

В небе уже вовсю разгорелся рассвет, выпала роса и от деревни ветром разносились во все стороны петушинные песни. Скрипучая телега с солдатами медленно взбиралась на пригорок, укачивая седоков. Часть односельчан давно дремала под одеялом, несколько мужчин неторопливо курили у колодца, коль скоро можно было ехать на поля и спешить в кровать уже поздно. Влад в неловком, но уже не пугающем молчании шагал с отцом домой. Ник в трогательной и нежной тишине вел домой заплаканную мать. На песчаной косе неторопливо расползались из котомки зеленые усатые раки, а ушлая и очень тощая уличная кошка ловко подцепляла когтями бычков, выуживала из тяжелого бидона и кидала рыбку на песок. Пяток чумазых пушистых котят жизнерадостно хрустели завтраком, крутили мокрыми хвостиками и урчали от удовольствия.

Через пару дней состоялось семейное собрание, оно же суд, на котором молодые странники слышали много обидных и унижительных для маленьких мужчин слов, но на этом печальные последствия ночного приключения закончились. В большой и светлой столовой деревянного дома за широким столом сидела семья Ника: аккуратно причесанная, в голубом летнем платье мама Хеля, сухой, морщинистый и смуглый, как чернослив, дедушка Саш с донельзя ехидным взглядом и абсолютно круглая, улыбчивая и румяная бабушка Ан-

юра.

К ним в гости на серьезный разговор пришли родители Влада – отец Илий и мама Мирта, на руках у нее спала годовалая сестра Маришка. Провинившиеся сыновья стояли по струнке напротив стола и с горящими ушами слушали, какие они глупые, жадные до чужих лодок и совсем не думают о других. Как выяснилось наутро, лодка принадлежала Лексию, ленивому, недалекому и занудному переписчику, дружно нелюбимому доброй половиной села. Так что большая часть народного гнева за бессонную ночь вылилась именно на него. Что с мальчишек взять – малы ещё, озорны, высечь – да и ладно будет. А Лeksiю долго ещё припоминали прихваченные домой полутораметровые весла («А вдруг уташат!») и предлагали пасти гусей без пуха («А вдруг ощиплют!») или заранее уложить тещу в припасенную на чердаке домовину («А вдруг скрадут!»). Лысеющий, с редкой и тонкой бородкой, писарь мог лишь щербато скалиться и огрызаться – лодку ему вернули в целости и сохранности, и жаловаться было не на что.

Когда стали накрывать к обеду, мальчишки схватили по ломтю хлеба с брынзой, убежали в сад, залезли на узловатую яблоню и в зеленой гуще листвы без единого уцелевшего яблока проговорили до самых сумерек.

Никки был поздним и очень желанным ребенком. Его отец, почтенный и уважаемый человек, Димитрий Адвар-

нич, губернатор Полтавца, главного города в этой части страны. Когда-то давно он потерял первую жену и дочь в тяжелых родах, затем долго не мог смириться с горем и посвятил себя карьере. Родом он был из Варениц и дослужился до своего поста благодаря трудолюбию и острому уму. В день назначения его градоправителем на званном обеде со всеми важными чинами и начальниками увидел он тонкую, тихую девушку и влюбился без памяти.

Это была мать Ника, Хелена Милницкая, дочь седовласого генерала, на 12 лет его моложе. Не смотря ни на разницу в возрасте, ни на положение и род, она скоро покорила силу и заботливой строгости высокого, статного чиновника, отец её одобрил брак и уже весь город ждал появления на свет наследника такой красивой пары. Но шли годы, а в семье губернатора все не появлялись желанные дети. Только спустя пять лет ясным весенним утром родился темноволосый улыбчивый мальчик – и, конечно, стал главным сокровищем для своих родителей.

В Полтавце у семьи Ника был большой богатый дом, с парком, прудом и слугами. Но отец, с таким теплом всегда вспоминавший свое босоное деревенское детство, не хотел отнимать у сына сельской свободы, ароматного воздуха полей и игривого счастья юношеских шалостей. Поэтому было решено, что до 14 лет мальчик будет жить с ранней весны до поздней осени в доме родителей Димитра, зимой будет заниматься дома, изучать азы риторики, математики, географии

и права, а уж после 14 отправится в кадетскую школу. Мама Ника частенько навещала его и проводила в деревне несколько недель, отец приезжал редко, зато зимой часто старался бывать дома и сам учил сына истории и политике.

Семья Влада была обычной, крестьянской. Родителей его по деревенскому обычаю сосватали ещё детьми. У Мирты было ещё три сестры и только один маленький братик и лучшее, что родители могли для неё сделать – это отдать в малолетстве замуж в хорошую семью. В 13 её сосватали за одного из сыновей соседа, а в 15 Мирту забрали жить к будущему жениху. Илий был младшим из трех братьев. Старший, Максут, уже давно был женат и растил четверых детей. На большом дворе в главном доме жил сам брат с женой, детьми и тещей, а в малом домике при бане старый дядька со стороны жены. На такую семью работы хватало и Илий перебрался жить к брату в малый дом, помогать по хозяйству и в поле. В тот же домик поселили и Мирту, когда теща стала подслеповата и медлительна и не могла уже помогать на кухне. Три года они жили и работали бок о бок, а как только Илию стукнуло 18, их обвенчали и поставили им небольшой, но крепкий дом на краю села. Максут всегда жил особняком и с братом, как только появилась у него своя семья, почти не знался. Средний брат, Викентий, ещё юношей уехал на заработки и уж много лет вестей от него не было.

И Илий, и Мирта, работающие, но молчаливые, остались

вдвоем и первое время даже стеснялись друг друга. Но вскоре молодые супруги пообвыклись, наладили небогатый свой быт и стали обращаться меж собой с заботой и теплом, а после появления на свет сына медленно и незаметно полюбили друг друга спокойной и тихой любовью. Отец был трудолюбивый, простой и серьезный мужчина, но никогда он не был излишне строг или несправедлив к сыну. Мама Влада, недавно ещё жилистая, изможденная тяжелой работой женщина, неожиданно расцвела со второй беременностью. Сейчас на округлившихся щеках её частенько алел румянец, волосы стали гуще, а голос мягче. И пускай руки её навсегда пропахли рыбой и пальцы огрубели от жесткой пряжи, каждый день она находила ласковые слова и прикосновения не только для маленькой дочери, но и для сына.

А ещё у Влада был дедушка Вукаш. Он жил в самой старой части деревни в ещё более старой, давно покосившейся избе, но любил уединение и ни за что не хотел перебираться к сыну и его семье. Вырастив и устроив в жизни троих детей и похоронив жену, дед мечтал остаток жизни провести как сам того захочет и никому не давал влезать в свой день без разрешения. Это он научил Влада мастерить верши и плести сетки, ставить силки на белок и разбирать съедобные ягоды и грибы среди ядовитых. Каждый день ковылял он неторопливо вокруг дома в тени корявых слив, сплошь покрытых седым лишайником. Опираясь на длинную ржавую мотыгу, выискивал, чего бы подлатать, что прибрать и где почистить.

А вечером садился на выбеленный солнцем валун у калитки, лушил семечки или грыз яблоки и смотрел, как возвращаются мужчины с полей.

Но в начале лета Влад прибежал к нему с удочкой, чтобы вместе сплести на неё из соломы новый поплавок, а открыть ему дверь было уже некому. В тот день отец его впервые за многие годы взял бутылку крепкой смородиновой настойки, табаку и ушел за реку, к лесу, а вернулся только с рассветом. Ещё пару дней он почти не разговаривал. А затем, в дождливое промозглое утро, когда работать в поле было нельзя, подошел к сыну, крепко обнял его и неожиданно показал, как вязать самый прочный на свете узел.

Солнце уже закатило свой румяный бок за крыши, в столовой всюю горел свет и пару раз дедушка Саш выходил на заднее крыльцо и выглядывал в саду мальчишек. Влад и Ник сидели, затаив дыхание, и каждый ждал, когда другой нарушит эту тишину случайным кашлем или незатейливой фразой. Они рассказали друг другу полупшепотом всю свою жизнь, без утайки или прикрас, с самого детства и до сегодняшнего дня, когда семьи их собрались вместе и приняли друг друга.

– Ты же хочешь стать военным, да? – робко обернулся к другу Никки.

– Очень. И ты тоже, да? После крепости?

– После крепости... Там всё так... движется! Ну, то есть

даже когда все спят, весь мир спит – там что-то движется, что-то делается, по-настоящему! Не то что в городе, где папа работает – там иногда даже днем всё как будто вымерло. Как лягушки в жару – сидят на своих креслах, растекаются кляксами... Противные.

– Да... И мужики там хорошие, сильные, но веселые. Заречемся?

– Заречемся! А как?

– А вот так вот, чтоб не забыли. – Влад выпрямил спину, отклонился в бок и нашарил в кармане ножичек. Ручка его была обмотана грубой бечевой, скатанной пальцами уже в единое полотно, лезвие спрятано в маленький кожаный чехол с бечевочной петелькой для крепления.

Влад взял левую ладонь Ника, повернул к себе и аккуратно порезал крест-накрест под безымянным пальцем. Такой же крестик взрезал и на своей руке, поднял ее перед собой и крепко сжал протянувшиеся навстречу пальцы.

– Клянешься сделать всё, чтобы стать настоящим солдатом, защищать слабых и старых и сражаться с врагами?

– Клянусь! – малахитовые глаза Ника сверкали лихорадочным блеском, – А ты клянешься стать сильным и смелым, выучиться на солдата, жить в крепости и стрелять лучше всех?

– Клянусь!

С этого момента жизнь ребят преобразилась, у них появилась мечта. Она была освещена горящим вдалеке чадным

факелом из ветоши и дегтя, пахла порохом и конским потом, но слаще ее не было для мальчишеского сердца.